

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АНТОН ЧЕХОВ

Рассказы. Повести. Пьесы

Антон Павлович Чехов

Следователь
(Рассказы)

Антон Павлович Чехов

Следователь

Уездный врач и судебный следователь ехали в один хороший весенний полдень на вскрытие. Следователь, мужчина лет тридцати пяти, задумчиво глядел на лошадей и говорил:

– В природе есть очень много загадочного и темного, но и в обыденной жизни, доктор, часто приходится наталкиваться на явления, которые решительно не поддаются объяснению. Так, я знаю несколько загадочных, странных смертей, причину которых возмущаются объяснить только спириты и мистики, человек же со свежей головой в недоумении разведет руками и только. Например, я знаю одну очень интеллигентную даму, которая предсказала себе смерть и умерла без всякой видимой причины именно в назначенный ею день. Сказала, что умрет тогда-то, и умерла.

– Нет действия без причины, – сказал доктор. – Есть смерть, значит, есть и причина. А что касается предсказания, то ведь тут мало диковинного. Все наши дамы и бабы обладают даром пророчества и предчувствия.

– Так-то так, но моя дама, доктор, совсем особенная. В ее предсказании и смерти не бы-

ло ничего ни бабьего, ни дамского. Молодая женщина, здоровая, умница, без всяких пред-
рассудков. У нее были такие умные, ясные,
честные глаза; лицо открытое, разумное, с
легкой, чисто русской усмешечкой во взгляде
и на губах. Дамского, или бабьего, если хоте-
те, в ней было только одно – красота. Вся
стройная, грациозная, как вот эта береза, во-
лоса удивительные! Чтобы она не оставалась
для вас непонятной, прибавлю еще, что это
был человек, полный самой заразной
веселости, беспечности и того умного, хоро-
шего легкомыслия, которое бывает только у
мыслящих, простодушных, веселых людей.

Может ли тут быть речь о мистицизме,
спиритизме, даре предчувствия или о чем-ни-
будь подобном? Над всем этим она смеялась.

Докторская бричка остановилась около ко-
лодца. Следователь и доктор напились воды,
потянулись и стали ждать, когда кучер кон-
чит поить лошадей.

– Ну-с, отчего же умерла та дама? – спросил
доктор, когда бричка опять покатила по доро-
ге.

– Умерла она странно. В один прекрасный

день входит к ней муж и говорит, что недурно бы к весне продать старую коляску, а вместо нее купить что-нибудь поновее и легче, и что не мешало бы переменить левую пристяжную, а Бобчинского (была у мужа такая лошадь) пустить в корень.

Жена выслушала его и говорит:

– Делай, как знаешь, мне теперь всё равно. К лету я буду уже на кладбище.

Муж, конечно, пожимает плечами и улыбается.

– Я нисколько не шучу, – говорит она. – Объявляю тебе серьезно, что я скоро умру.

– То есть как скоро?

– Сейчас же после родов. Рожу и умру.

Словам этим муж не придавал никакого значения. Он не верит ни в какие предчувствия и к тому же отлично знает, что женщины в интересном положении любят капризничать и вообще предаваться мрачным мыслям. Прошел день, и жена опять ему о том, что умрет тотчас же после родов, и потом каждый день всё о том же, а он смеялся и обзывал ее бабой, гадалкой, кликушей. Близкая смерть стала *idée fixe* жены. Когда муж не слушал ее, она

шла в кухню и говорила там о своей смерти с няней и кухаркой:

– Не много еще мне осталось жить, нянюшка. Как только рожу, сейчас же и умру. Не хотелось бы умирать так рано, да уж знать судьба моя такая.

Нянька и кухарка, конечно, в слезы. Бывало, придет к ней попадья или помещица, а она отведет ее в угол и давай душу отводить – всё о том же, о близкой смерти. Говорила она серьезно, с неприятной улыбкой, даже со злым лицом, не допуская возражений. Была она модницей, щеголихой, но тут в виду скорой смерти всё бросила и стала ходить неряхой; уже не читала, не смеялась, не мечтала вслух... Мало того, поехала с теткой на кладбище и облюбовала там место для своей могилки, а дней за пять до родов написала завещание. И имейте в виду, всё это творилось при отличном здоровье, без малейших намеков на болезнь или какую-нибудь опасность. Роды – трудная штука, иногда смертельная, но у той, про которую я вам говорю, всё обстояло благополучно и бояться было решительно нечего. Мужу в конце концов вся эта исто-

рия надоела. Как-то за обедом он рассердился и спросил:

– Послушай, Наташа, когда же будет конец этим глупостям?

– Это не глупости. Я говорю серьезно.

– Вздор! Я бы тебе советовал перестать глупить, чтобы потом самой не было совестно.

Но вот наступили и роды. Муж привез из города самую лучшую акушерку. Роды были у жены первые, но сошли как нельзя лучше. Когда всё кончилось, роженица пожелала взглянуть на младенца. Поглядела и сказала:

– Ну, а теперь и умереть можно.

Простилась, закрыла глаза и через полчаса отдала богу душу. До самой последней минуты она была в сознании. По крайней мере, когда ей вместо воды подали молока, то она тихо прошептала:

– Зачем же вы мне вместо воды молока дадите?

Так вот какая история. Как предсказала, так и умерла.

Следователь помолчал, вздохнул и сказал:

– Вот и объясните, отчего она умерла? Уверю вас честным словом, это не выдумка, а

факт.

Размышляя, доктор поглядел на небо.

– Надо было бы вскрыть ее, – сказал он.

– Зачем?

– А затем, чтобы узнать причину смерти.

Не от предсказания же своего она умерла.

Отравилась, по всей вероятности.

Следователь быстро повернулся лицом к доктору и, прищурив глаза, спросил:

– Из чего же вы заключаете, что она отравилась?

– Я не заключаю, а предполагаю. Она хорошо жила с мужем?

– Гм... не совсем. Недоразумения начались вскоре же после свадьбы. Было такое несчастное стечение обстоятельств. Покойница однажды застала мужа с одной дамой... Впрочем, она скоро простила ему.

– А что раньше было, измена мужа или появление идеи о смерти?

Следователь пристально поглядел на доктора, как бы желая разгадать, зачем он задает такой вопрос.

– Позвольте, – ответил он не сразу. – Позвольте, дайте припомнить. – Следователь

снял шляпу и потер себе лоб. – Да, да... она стала говорить о смерти именно вскорости после того случая. Да, да.

– Ну, вот видите ли... По всей вероятности, она тогда же решила отравиться, но так как ей, вероятно, вместе с собой не хотелось убивать и ребенка, то она отложила самоубийство до родов.

– Едва ли, едва ли... Это невозможно. Она тогда же простила.

– Скоро простила, значит, думала что-нибудь недоброе. Молодые жены прощают нескоро.

Следователь насильно улыбнулся и, чтобы скрыть свое слишком заметное волнение, стал закуривать папиросу.

– Едва ли, едва ли... – продолжал он. – Мне и в голову не приходила мысль о такой возможности... Да и к тому же... он не так уж виноват, как кажется... Изменил как-то странно, сам того не желая: пришел домой ночью навеселе, хочется приласкать кого-нибудь, а жена в интересном положении... а тут, чёрт ее побери, навстречу попадается дама, приехавшая погостить на три дня, бабенка пустая,

глупая, некрасивая. Это даже и изменой считать нельзя. Жена и сама так взглянула на это и скоро... простила; потом об этом и разговора не было...

– Люди без причины не умирают, – сказал доктор.

– Это так, конечно, но все-таки... не могу допустить, чтобы она отравилась. Но странно, как это до сих пор мне в голову не приходило о возможности такой смерти!.. И никто не думал об этом! Все были удивлены, что ее предсказание сбылось, и мысль о возможности... такой смерти была далекой... Да и не может быть, чтоб она отравилась! Нет!

Следователь задумался. Мысль о странно умершей женщине не оставляла его и во время вскрытия. Записывая то, что диктовал ему доктор, он мрачно двигал бровями и тер себе лоб.

– А разве есть такие яды, которые убивают в четверть часа, мало-помалу и без всякой боли? – спросил он у доктора, когда тот вскрывал череп.

– Да, есть. Морфий, например.

– Гм... Странно... Помню, она держала у се-

бя что-то подобное... Но едва ли!

На обратном пути следователь имел утомленный вид, нервно покусывал усы и говорил неохотно.

– Давайте немного пешком пройдемся, – попросил он доктора. – Надоело сидеть.

Пройдя шагов сто, следователь, как показалось доктору, совсем ослабел, как будто взбирался на высокую гору. Он остановился и, глядя на доктора странными, точно пьяными глазами, сказал:

– Боже мой, если ваше предположение справедливо, то ведь это... это жестоко, бесчеловечно! Отравила себя, чтобы казнить этим другого! Да разве грех так велик! Ах, боже мой! И к чему вы мне подарили эту проклятую мысль, доктор!

Следователь в отчаянии схватил себя за голову и продолжал:

– Это я рассказывал вам про свою жену, про себя. О, боже мой! Ну, я виноват, я оскорбил, но неужели умереть легче, чем простить! Вот уж именно бабья логика, жестокая, немилосердная логика. О, она и тогда при жизни была жестокой! Теперь я припоминаю! Те-

перь для меня всё ясно!

Следователь говорил и – то пожимал плечами, то хватал себя за голову. Он то садился в экипаж, то шел пешком. Новая мысль, сообщенная ему доктором, казалось, ошеломила его, отравила; он растерялся, ослабел душой и телом, и когда вернулись в город, простился с доктором, отказавшись от обеда, хотя еще накануне дал слово доктору пообедать с ним вместе.